

С ТОЙ СТОРОНЫ ЗЕРКАЛЬНОГО СТЕКЛА

ЭРНСТ ТЕОДОР АМАДЕЙ ГОФМАН
(1776—1822)

ПРИКЛЮЧЕНИЯ НАКАНУНЕ НОВОГО ГОДА

Предисловие издателя

Странствующий энтузиаст, из записной книжки которого берет-ся этот фантастический рассказ в манере Калло, по-видимому, так мало отделяет свою внутреннюю жизнь от внешней, что едва можно различить границы той и другой. Но если ты и неясно видишь эти границы, любезный читатель, то все же тебя может прельстить этот духовидец, и ты незаметно очутишься в неведомом, очарованном царстве, странные образы которого тем не менее захотят войти в твою жизнь и быть с тобою запросто, как старые знакомые. От души прошу тебя, любезный читатель, чтобы ты принял их именно как таковых и, совершенно отдавшись их чарующему влиянию, охотно перенес бы некоторый страх, который они могут в тебе возбудить, если сильно тобой овладеют. Что же могу я еще сделать для странствующего энтузиаста, с которым в ночь накануне Нового года в Берлине случилось столько диких и странных вещей?

1. Возлюбленная

В сердце моем была смерть, ледяная смерть; исходя из души и из сердца, терзала она, точно острыми ледяными когтями, огнем налитые нервы. Забывши и шляпу, и плащ, я дико бежал, устремляясь в бурную, мрачную ночь! Флюгера скрипели, казалось, что время видимо двигает свое вечное, страшное колесо и сейчас старый год, как великая тяжесть, обрушится в темную бездну. Ты ведь знаешь, что это

время — Рождество и Новый год, которое вы все проводите в такой светлой, веселой радости, всегда выбрасывает меня из спокойного приюта в бушующее и волнующееся море. Рождество! Это праздничные дни, которые долго сияли для меня приветливым блеском. Я не могу их дождаться: я лучше, я более похож на дитя, чем весь год, ни одной мрачной, ненавистнической мысли не питает моя грудь, открытая для истинной небесной радости; я снова мальчик, ликующий от счастья. Из пестрой золоченой резьбы в освещенной лавке улыбаются мне благодатные ангельские лица, и через шумную толпу на улицах несутся, точно будто издалека, священные звуки органа: «Сегодня родился Младенец!»

Но после праздника все смолкает, потухает свет и водворяется темнота. С каждым годом падает все больше и больше увядших цветов, их зародыш замирает навеки, весеннее солнце не зажигает новой жизни в окаменелых ветвях. Все это я отлично знаю, но, когда год приходит к концу, какая-то враждебная сила беспрестанно ставит мне это на вид с злобной радостью. «Смотри, — шепчет она мне в уши, — смотри, сколько в этом году прошло перед тобой радостей, которые никогда не вернуться, но зато ты стал умнее и, мало держась за презренное веселье, становишься все более и более серьезным человеком без всяких радостей». Для новогоднего вечера черт готовится мне всегда совсем особенный праздник. Он умеет в известный момент со страшной насмешкой впиться острыми когтями в мое сердце и наслаждаться видом крови, которая оттуда брызжет. Он везде найдет помощь, и вчера ему прекрасно сыграл в руку советник юстиции. У него (я разумею советника) собирается накануне Нового года большое общество, и для этого приятного вечера он желает всякому сделать особое удовольствие, за что так глупо и неловко берется, что все веселое, что он с трудом измышляет, переходит в комическое неудовольствие.

Когда я вошел в переднюю, советник быстро пошел мне навстречу, предупреждая мой вход в святилище, где дымился чай и тонкий фирмиам. Он хитро и весело поглядывал, улыбаясь мне как-то очень странно и говоря:

— Дружок, дружок, вас ожидает в той комнате нечто удивительное, неожиданность, достойная новогоднего вечера, вы только не пугайтесь!

Сердце у меня упало, во мне зашевелились мрачные предчувствия, и я почувствовал себя совершенно несчастным и грустным. Дверь отворилась, я быстро пошел вперед, вошел в комнату, и среди дам, сидевших на диване, блеснул мне навстречу ее образ. Это была она,

она, которую я не видел уже много лет; в душе моей сверкнули в могучем, пламенном луче блаженнейшие минуты моей жизни; нет больше смертельной утраты, мысль о разлуке исчезла!

Каким чудом попала она сюда? Какой случай привел ее в общество советника, тогда как я не слышал, чтобы он когда-либо был с нею знаком? Я не думал об этом: она снова была со мной! Я стоял неподвижный, точно будто пораженный волшебным ударом; советник тихонько толкнул меня:

— Ну, что, дружок?

Машинально пошел я дальше, но видел одну ее, и из стесненной груди моей с трудом вылетели слова: «Боже мой, Боже! Юлия здесь?» Я стоял у чайного стола, и тогда только Юлия меня увидала. Она поднялась с места и сказала, почти как чужая:

— Очень приятно видеть вас здесь, у вас прекрасный вид!

Тут она снова села и спросила сидящую рядом с ней даму:

— Можно ли ожидать, что на той неделе будет что-нибудь интересное в театре?

Ты подходишь к роскошному цветку, сладостный запах которого сияет тебе навстречу, но едва ты нагнулся, чтобы ближе рассмотреть милый лик, из сияющих лепестков выползает холодный, скользкий василиск и хочет убить тебя своим враждебным взглядом. Это самое случилось со мной. С дурацким видом раскланялся я с дамами, и чтобы завершить ядовитое еще и смешным, я, быстро отступивши назад, выпил из рук стоявшего за мной советника чашку горячего чая, разлив ее прямо на его тонко сложенное жабо. Много смеялись над его несчастьем и еще больше над моей глупостью. Так все сложилось вполне дурацким образом; но я вооружился покорным отчаянием. Юлия не смеялась, мой блуждающий взор упал на нее, и точно меня коснулся луч дивного прошлого из жизни, полной любви и поэзии. Тут кто-то в соседней комнате стал фантазировать на фортепиано; это привело все общество в движение. Говорили, что это приезжий виртуоз по имени Бергер, который божественно играет, и его надо внимательно слушать.

— Не стучи так ужасно чайными ложками, Минхен! — воскликнул советник и, мягким движением руки указывая на дверь, нежно проговорил: — Eh bien! — приглашая дам приблизиться к виртуозу.

Юлия тоже встала и медленно пошла в другую комнату. Во всей ее фигуре было что-то чуждое. Она казалась мне выше, и красота ее стала роскошнее прежнего. Странный покрой ее белого платья с богатыми складками, только наполовину прикрывавшими ее плечи, грудь и затылок, и с пышными рукавами, доходившими до локтя, — волосы, расчесанные спереди на две стороны и странно сложенные

сзади в множество мелких косичек, — все это придавало ей что-то средневековое, она имела почти такой вид, как женщины на картинах Мнериса, и мне все казалось, что я где-то ясно видел своими глазами то существо, в которое превратилась Юлия. Она сняла перчатки, и замысловатые браслеты, обвитые вокруг сгиба ее кисти, еще больше способствовали тому, чтобы это полное сходство живее и ярче вызвало след какого-то темного воспоминания.

Прежде чем войти в соседнюю комнату, Юлия повернулась ко мне, и мне показалось, что ее ангельски прекрасное, молодое, прелестное лицо искривилось злобной насмешкой. Во мне шевельнулось что-то ужасное, точно какая-то борьба, судорожно сжимавшая все мои нервы.

— О, он дивно играет! — прошептала около меня барышня, воодушевленная сладким чаем, и я сам не знаю, как рука ее повисла на моей и я ее повел или, вернее, она повела меня в соседнюю комнату. Как раз в это время Бергер изобразил бушевание самого дикого урагана; как грохочущие морские волны, вставали и опускались могучие аккорды; это меня облегчило! Около меня стояла Юлия и говорила мне сладким, ласкающим голосом:

— Я бы хотела, чтобы ты сидел за фортепиано и нежно пел мне о прошлом счастье и надежде!

Враг оставил меня, и в едином имени: Юлия! — я хотел выразить все небесное блаженство, которое в меня вселилось... Но другие входящие лица отделили ее от меня. Она заметно меня избегала, но мне удавалось то дотронуться до ее платья, то вблизи ее упиваться ее дыханьем, и в тысяче ослепительных красок проходила мимо меня весна моей жизни.

Бергер заставил смолкнуть бурю, небо прояснилось, и, как золотые утренние облачка, понеслись нежные мелодии, тая и расплываясь в *pianissimo*. Виртуозу достался на долю вполне заслуженный успех, общество расходилось по комнатам, и я незаметно очутился прямо около Юлии. Дух мой окреп, я хотел удержать ее и обнять с безумной мукой любви, но между нами протиснулось проклятое лицо слуги, который, держа большую тарелку, противно крикнул: «Вам угодно?» Среди стаканов с дымящимся пуншем стоял изящно отшлифованный бокал, по-видимому, полный того же напитка. Как очутился между простыми стаканами этот, знает лучше всего тот, кого я всегда умею узнать, как Клеменс в Октавиане; он делает на ходу приятный завиток одной ногой и особенно любит красные плащи и перья. Юлия взяла в руки тонко отшлифованный и странно сверкавший бокал и протянула его мне, говоря:

— Так ли охотно, как прежде, возьмешь ты стакан из моих рук?

— Юлия, Юлия! — вздохнул я. Берясь за бокал, я дотронулся до ее нежных пальцев, огненная электрическая искра прошла по всем моим жилам, япил,пил, — мне казалось, что голубые огоньки вспыхивают и лижут бокал и мои губы. Бокал был осушен, и я сам не знаю, как случилось, что я сидел на оттоманке в кабинете, освещенном только одной алебастровой лампой, и Юлия, Юлия сидела рядом со мной, смотря на меня с той же детской чистотой, как бывало прежде.

Бергер снова сидел за фортепиано, он играл *Andante* из дивной *Es*-дурной моцартовской симфонии, и на лебединых крыльях песни носились, и поднималась вся любовь и радость лучшей у солнечной поры моей жизни. Да, это была Юлия, сама Юлия, прекрасная и кроткая, как ангел; наш разговор — тоскливая любовная жалоба — был скорее во взглядах, чем на словах; ее рука покоилась в моей.

— Теперь я никогда тебя не оставлю, твоя любовь — это искра, которая горит во мне, воспаляя высшую жизнь искусства и поэзии; без тебя, без твоей любви все мертво и безмолвно, — разве ты не потому пришел, что ты вечно будешь моим?

В эту минуту около нас закачалась дурацкая фигура с паучьими ногами и торчащими жабьими глазами и, противно визжа и глупо улыбаясь, воскликнула:

— Куда это запропастилась моя жена?

Юлия поднялась и сказала чужим голосом:

— Не пойдем ли мы в зал? Мой муж меня ищет... Вы были очень забавны, мой милый, в том же духе, как прежде, только будьте осторожней насчет вина!

И человек с паучьими ногами схватил ее за руку; она, смеясь, последовала за ним.

— Утрачена навеки! — закричал я.

— Да, конечно, кодилья, милейший! — проблеяло какое-то животное, игравшее в ломбр.

Прочь, прочь бежал я, туда, в лоно бурной ночи.

2. Компания в погребке

Гулять по Унтер-ден-Линден могло бы быть очень приятно, но накануне Нового года, в изрядный мороз и вьюгу. Я заметил это наконец, будучи без плаща и с открытой головой, когда после лихорадочного жара наступил ледяной холод. Я прошел через Оперной

мост к Шлоссу, обогнул его и перешел через Шлюзный мост около монетного двора. Я был на Егерштрассе прямо около Тирмановой лавки. Там горели в комнатах приветные огни; я хотел уже туда войти, потому что сильно прозяб и мне нужно было хорошенько хлебнуть чего-нибудь крепкого; оттуда как раз выходило какое-то очень веселое общество. Они говорили о великолепных устрицах и прекрасном вине эйльфер.

— Прав был тот, — воскликнул один из них (я заметил при свете фонаря, что это был стройный улан), — прав был тот, который в прошлом году в Майнце ругал этих проклятых молодцов, которые в 1794 году не хотели расстаться с эйльфером.

Все громко расхохотались. Я невольно прошел несколько шагов вперед и остановился перед погребком, где освещено было только одно окно.

Не чувствовал ли себя однажды шекспировский Генрих таким усталым и смиренным, что вспомнил про беднягу английское пиво? Право, со мной случилось то же самое, мой язык жаждал бутылки хорошего английского пива. Я быстро спустился в погребок.

— Что угодно? — спросил хозяин, приветливо снимая фуражку.

Я потребовал бутылку хорошего английского пива и трубку хорошего табаку и вскоре погрузился в такое дивное филистерство, что сам черт почувствовал почтение и оставил меня. О, советник юстиции, если бы ты видел, как я ушел из твоей светлой чайной комнаты и опустился в темный погребок, ты бы имел полное право отвернуться от меня с гордым видом и пробормотать: «Нет ничего удивительного, что такой человек портит тончайшие жабо!» Без шляпы и без плаща я должен был производить несколько странное впечатление. У хозяина вертелся на языке вопрос, но тут постучали в окно и чей-то голос крикнул:

— Отворите, отворите, это я!

Хозяин вышел и вскоре вернулся, неся в руках две высоко поднятые свечи; за ним шел очень высокий, стройный человек. Он забыл наклониться перед низкой дверью и стукнулся об нее головой; но черная шапка в форме берета, которую он носил, предостерегла его от ушиба. Он прошел, как-то странно держась по стенке, и сел против меня, причем свечи были поставлены на стол. Про него можно было сказать, что он имеет знатный и недовольный вид. Он брезгливо потребовал пива и трубку и сейчас же распространил такой дым, что скоро мы оба плавали в облаках. Впрочем, в его лице было что-то настолько характерное и привлекательное, что, несмотря на его мрачность, я сейчас же его полюбил. Его густые черные волосы

были разделены надвое и падали с двух сторон целым каскадом мелких кудрей, так что он напоминал картины Рубенса. Когда он откинул большой воротник своего плаща, то я увидел, что на нем надета черная куртка, расшитая шнурками, но мне очень понравилось, что сверх сапог у него были надеты тонкие туфли. Я заметил это, когда он выколачивал трубку, которую выкурил в пять минут.

Разговор у нас что-то не клеился; незнакомец был, по-видимому, очень занят теми редкими растениями, которые он вынул из бюксы и с удовольствием рассматривал. Я выразил мое удивление по поводу прекрасных растений и, видя, что они только что сорваны, спросил его, где он их взял, в ботаническом саду или у Боухера. Он довольно странно улыбнулся и ответил:

— Ботаника, очевидно, не по вашей части, а то бы вы не стали так...

Он загнулся, а я тихонько шепнул: «Глупо...»

— ...спрашивать, — закончил он откровенно. — Вы бы сразу узнали альпийские растения, — добавил он, — да еще такие, которые растут на Чимборасо.

Последние слова незнакомец сказал тихо, только для себя, и ты можешь себе представить, как странно я себя почувствовал. Всякие вопросы замерли на моих губах; но в душе моей все больше и больше шевелилось какое-то предчувствие, и мне казалось, что я раньше не столько видел, сколько воображал себе этого незнакомца.

Тут снова постучались в окно, хозяин отворил дверь, и чей-то голос крикнул:

— Будьте так добры, завесьте зеркало!

— Ага! — сказал хозяин. — Поздно же пришел генерал Суворов!

Хозяин завесил зеркало, и в комнату выпрыгнул с какой-то неловой подвижностью — я сказал бы, с неуклюжим проворством — маленький сухой человек в плаще какого-то странного коричневого цвета. Пока человек этот прыгал по комнате, плащ обвивался вокруг его тела каким-то совсем особенным образом, составляя множество складок и складочек так, что при блеске свечей это имело почти такой вид, как будто выходит много фигур, образуясь друг из друга, как в энслеровых фантазмагориях. При этом он потирал руки, спрятанные в широких рукавах, и восклицал:

— Холодно! Холодно! О, как холодно! В Италии теперь не то, совсем не то! — Наконец, он уселся между мной и высоким человеком, говоря: — Какой ужасный дым! Табак против табака! Если бы у меня была хоть щепотка!

У меня в кармане была отшлифованная, как зеркало, стальная табакерка, которую ты мне когда-то подарил; я сейчас же вынул ее

и хотел предложить маленькому человечку. Но едва он ее увидел, как закрыл ее обеими руками и, отталкивая от себя, закричал:

— Прочь, прочь, проклятое зеркало!

В его голосе было что-то ужасное, когда же я с удивлением на него посмотрел, он стал совершенно другим. Он вошел в комнату с приятным молодым лицом, а теперь устало на меня смертельно-бледное, увядшее, испуганное лицо старика с выцветшими глазами. Я в ужасе повернулся к высокому человеку. «Ради бога, посмотрите!» — хотел я крикнуть, но тот не принимал во всем этом никакого участия и был весь погружен в свои чимборасские растения; в эту минуту другой потребовал «северного вина», как он выражался.

Мало-помалу разговор оживился. Маленький человек был мне все-таки очень неприятен, но высокий умел сказать много глубокого и прекрасного о всякой, казалось бы, незначительной вещи, несмотря на то что он, по-видимому, боролся со своей речью и не раз вставлял неподходящее слово; но это только придавало его разговору смешную оригинальность, и таким образом, становясь все более и более близким моей душе, он смягчал неприятное впечатление маленького человека. Тот был точно весь на пружинах, он вертелся на стуле во все стороны и сильно размахивал руками. Глядя на него, я чувствовал, как по телу у меня пробегает ледяная струя, так как ясно видел, что у него было точно два различных лица. Особенно часто принимал он вид старика, глядя на высокого человека, приятное спокойствие которого составляло странный контраст с его подвижностью, но он посмотрел на него не так страшно, как тогда на меня.

В маскарадной игре земной жизни дух человека часто смотрит светящимися глазами из-под маски, узнавая родственную душу; могло быть, что и мы, повстречавшись в погребке, узнали друг друга таким же образом. Наш разговор впал в то настроение, которое происходит из глубоко, смертельно оскорбленного чувства.

— В этом тоже есть свои зацепки, — сказал высокий.

— Ах, боже мой, — перебил я, — черт везде устроил для нас зацепки: в комнатных стенах, в лавках, в розовых кустах, и везде-то мы оставляем кое-что из нашего драгоценного «я». Мне кажется, почтенный, что со всеми нами случилось нечто в этом роде, мне в эту ночь как раз недоставало плаща и шляпы. И то и другое висит, как вам известно, на крючке в передней юстиции советника!

Высокий и маленький человек заметно вздрогнули, точно будто в них попал неожиданный выстрел. Маленький посмотрел на меня

своим безобразным, старым лицом и затем сейчас же вскочил на стул и сильнее натянул покров на зеркало, а высокий заботливо поправил свечи. Разговор с трудом возобновился; упомянули о славном молодом художнике Филиппе и о портрете одной принцессы, который он сделал в духе любви и благочестивого стремления к высокому, внушенному ему глубокой святостью чувств его госпожи.

— Удивительное сходство, — сказал высокий, — это не портрет, а картина.

— Да, это так верно, — сказал я, — точно будто украдено у зеркала.

Тут маленький человек со старым лицом дико вскочил с места и, уставившись на меня сверкающими глазами, закричал:

— Это глупо! Это бессмысленно! Кто может красть картины у зеркала?.. кто это может? Ты, может быть, думаешь, что черт?.. Ого, братец! Он разбивает стекло своими дурацкими когтями, и нежные, белые ручки образа женщин тоже бывают поранены и в крови. Это глупо! Ну-ка, покажи мне зеркальную картину, картину, украденную у зеркала, и я прыгну вверх на сто сажен нарочно для тебя, печальный малый!

Тут высокий человек поднялся, подошел к другому и сказал:

— Не трудись по-пустому, мой друг, а не то полетишь с лестницы, это будет иметь плохой вид при твоём-то отражении в зеркале.

— Ха, ха, ха, ха! — захохотал и завизжал маленький человек с безумной насмешкой. — Ты думаешь? Ты думаешь? Ведь у меня есть моя собственная тень, несчастный ты малый! У меня-то есть тень!

Тут он выбежал вон, и с улицы еще слышно было, как он насмешливо хохотал и произносил: «У меня-то ведь есть еще тень!»

Высокий казался уничтоженным: смертельно бледный, откинувшись он на стул, схватился обеими руками за голову и издавал тяжкие, глубокие вздохи...

— Что с вами? — спросил я с участием.

— О, — отвечал он, — этот злой человек, который был нам так неприятен и преследовал меня даже здесь, в моем привычном кнейпе, где я бывал прежде один, разве зайдет какой-нибудь дух земли, который, забравшись под стол, лижет хлебные крошки... этот злой человек снова навел меня на самое великое мое горе! О, я утратил навеки... утратил мою... Прощайте!..

Он встал и пошел по комнате к двери. За ним было светло, он не отбрасывал тени! В восторге побежал я за ним.

— Петр Шлемиль! Петр Шлемиль! — радостно закричал я, но он сбросил туфли. Я видел, как он шагнул через Жандармскую башню и исчез в темноте.

Когда я хотел вернуться в погребок, хозяин захлопнул дверь прямо мне на нос, говоря:

— Избави Бог от таких гостей.

3. Видения

Матвей — мой добрый приятель, а его привратник — отличный сторож. Он сейчас же мне отпер, когда я позвонил в колокольчик у двери «Золотого Орла». Я рассказал, как я ускользнул из общества без шляпы и без плаща, причем в кармане последнего лежал ключ от моей квартиры, а достучаться до глухой хозяйки было бы невозможно. Этот приветливый человек (я разумею привратника) отпер мне комнату, поставил свечи и пожелал мне спокойной ночи. Большое прекрасное зеркало было завешено; я сам не знаю, как пришло мне на ум отдернуть завесу и поставить свечи на подзеркальник. Посмотревшись в зеркало, я увидел, что я так бледен и расстроен, что едва можно меня узнать.

Мне показалось, что в глубине зеркала колеблется какой-то смутный образ, я стал все с большей и большей силой напрягать свое зрение и ум, и вот в странном волшебном блеске яснее нарисовались черты прекрасной женщины — я узнал Юлию. Охваченный тоской и жаркою любовью, я громко вздохнул: «Юлия! Юлия!» Тогда послышались стоны и вздохи за пологом кровати, стоявшей в противоположном углу комнаты. Я прислушался, стоны делались все страшнее. Образ Юлии исчез, я решительно схватил свечку, быстро раздвинул полог постели и заглянул туда. Как описать тебе чувство, пронизавшее меня, когда я увидел знакомого мне маленького человека, который лежал там с молодым, но страдальчески искаженным лицом и глубоко вздыхал во сне: «Джульетта! Джульетта!» — Имя это зажгло мою душу, ужас мой пропал, я схватил и сильно потряс спавшего, крича ему: «Эге, приятель! Как это вы попали в мою комнату? просыпайтесь и убирайтесь, пожалуйста, к черту!»

Он открыл глаза и посмотрел на меня мутным взглядом.

— Это был дурной сон, — сказал он. — Благодарю вас, что вы меня разбудили. — Слова его походили на тихие вздохи. Я сам не знаю, почему человек этот казался мне теперь совершенно другим; та скорбь, которой он был полон, проникла в мою душу, и весь мой гнев обратился в глубокое уныние. Очень скоро выяснилось, что привратник по ошибке открыл мне ту же комнату, которую уже занял маленький человек, и что это я, ворвавшись туда, помешал ему спать.

— Я, вероятно, показался вам в погребке сумасшедшим и дерзким, — заговорил маленький человек, — припишите мое поведение тому, что меня преследует иногда призрак, который выбивает меня из всяких границ приличия. Разве с вами не случается иногда то же самое?

— Ах, боже мой, да, — отвечал я смиренно, — это было сегодня вечером, когда я снова увидел Юлию.

— Юлию? — неприятно взвизгнул мой собеседник, причем лицо его передегернулось и снова вдруг сделалось старым.

— О, оставьте меня в покое, пожалуйста, милейший, завесьте зеркало! — сказал он, совершенно ослабев и оглядываясь на подушку. Тогда я сказал:

— Имя моей навеки погибшей любви, по-видимому, воскрешает в вас странные воспоминания, которые заметно изменяют приятные черты вашего лица. Но я надеюсь спокойно провести с вами ночь и поэтому сейчас завешу зеркало и тоже лягу в постель. — Маленький человек выпрямился, посмотрел на меня кротким и добрым взглядом своего юношеского лица, взял мою руку и сказал, слегка ее пожав:

— Спите спокойно, я вижу, что мы товарищи по несчастью.

— Так и вы тоже?

— Юлия, Джульетта... Будь что будет, но вы имеете надо мной неотразимую власть, я не могу иначе, я должен открыть вам мою сокровеннейшую тайну, — после вы можете меня презирать и ненавидеть.

С этими словами он медленно встал, завернулся в белый халат и тихо, точно привидение, проскользнул к зеркалу, перед которым остановился. Но зеркало чисто и ясно отражало обе свечи, обстановку комнаты и меня самого, но фигуры маленького человека там не было видно, ни один луч не отражал его низко склоненную голову. Он подошел ко мне, лицо его выражало глубочайшее отчаяние, он пожал мне руку и сказал:

— Теперь вы знаете мое безмерное несчастье; Шлемиль, эта чистая, добрая душа, достоин зависти сравнительно с таким отверженным, как я. Он легкомысленно продал свою тень, а я... я отдал свое отражение в зеркале ей, ей! О-о-о!

С глубоким стоном, закрыв глаза руками, шатаясь, подошел он к постели, в которую сейчас же бросился. Я стоял неподвижно. Гнев, презрение, ужас, участие, сострадание — я сам не знаю, что поднялось в моей душе за и против этого человека. Но он очень скоро начал так приятно и мелодично похрапывать, что я не мог противостоять этим звукам. Быстро завесил я зеркало, потушил свечи, бросился в постель и скоро заснул глубоким сном. Должно быть, было